

УДК 94(47) «17/1917»

ББК 63.3(2)521-69

А 97

К.Г. Ачмиз,

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, г. Майкоп, тел.: 8-928-466-28-87, e-mail: kazbek.achmiz@mail.ru

К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны

(Рецензирована)

Аннотация. В статье на большом фактическом материале раскрывается характер русско-черкесской торговли на Северо-Западном Кавказе в XVIII— первой половине XIX вв.

Ключевые слова: аннексия, импорт, колонизация, кордонная линия, лимитроф, новая торговля, пошлина, экспорт, ярмарка.

K.G. Achmiz,

Doctor of Historical Sciences, Senior Scientist of Adyghean Republican Institute of Humanities named after T.Kerashev, Maikop, ph.: 8-928-466-28-87, e-mail: kazbek.achmiz@mail.ru

On the character of Russian-Adyghe trade relations during the Caucasian War

Abstract. This paper, on extensive actual material reveals the nature of Russian-Circassian trading in the Northwest Caucasus in the 18th— first half of the 19th century.

Keywords: annexation, import, colonization, cordon line, limitrophe, barter, duties, export fair.

Среди многих проблем истории Кавказской войны, когда Россия в ходе военных действий вплотную приблизилась к границам Черкесии, вопрос о русско-адыгских торговых связях получил достаточно широкое освещение. В научной литературе прочно утвердилось мнение, что в отношениях адыгов с русским населением, «несмотря на препятствия, создаваемые политической царизма, быстро стал развиваться оживленный торговый обмен, далеко выходящий за рамки официально признававшейся меновой торговли» [1]. Вместе с тем вопрос о характере русско-адыгской торговли на Северо-Западном Кавказе в XVIII и особенно в первой половине XIX веков требует, на наш взгляд, новых подходов.

Следует заметить, что Черкесия вела активную торговлю с внешним миром. В 1787 г. во Франции вышел «Трактат о торговле на Черном море»

видного французского ученого, дипломата и политика Карла Пейсонеля. В нем дается подробное описание внешней торговли Черкесии, ее экспорта и импорта. Данные К. Пейсонеля свидетельствуют о сравнительно высоком уровне развития здесь сельского хозяйства и ремесла [2]. Предметами экспорта были шерсть, шерстяные ткани, кожа, мед, воск, шкуры различных зверей и животных, рыба, икра, лошади и др. [3]. Потребителями этой продукции были Турция и страны средиземноморского бассейна, Франция и Англия.

В 1940 г. в «Исторических записках» была опубликована статья В.И. Писарева «Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в.» [4]. Автор, всесторонне проанализировав аннексионистско-колониаторскую политику царизма по отношению к кавказским горцам, в том числе к адыгам, сделал аргумен-

тированные выводы о том, что царскому правительству «не удалось усыпить бдительность адыгейских народных масс, которые, несмотря на острую нужду в хлебе и соли, не шли в расставленные сети, а предпочитали с оружием в руках защищать свою независимость», что экономические мероприятия царского правительства «были выгодны лишь феодальной и родовой знати, которая также потерпела неудачу в своей попытке втянуть народные массы в «мирные» отношения с царизмом». И, наконец, «царские колонизаторы видели в экономических мероприятиях вспомогательное средство для подчинения адыгейского народа царизму». Однако, «убедившись в бесполезности правительственных экономических мероприятий, они усилили военный нажим на адыгейские племена» [5].

Условно развитие русско-адыгских торговых отношений можно разделить на три периода. Первый охватывает время до поселения запорожских казаков на правобережье Кубани в 1792 г.; второй — время до 1829 г.; третий — начинается со времени, когда Турция «уступила» черкесские земли России по Адрианопольскому договору 1829 г. до завершения Кавказской войны в 1864 г. Каждому периоду соответствовала та или иная степень развития активности русско-адыгской торговли.

Следует отдать должное автору широко известного труда «История Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербина, который считал торговлю «матерью мирных отношений между разноплеменными народностями» и отводил им важную роль «в замене военных действий мирными занятиями» [6]. Заняв границу Черноморья по Кубани укреплениями, черноморские казаки здесь же устроили свои торговые учреждения — меновые дворы и карантинные. Таким образом, пишет Ф.А. Щербина, торговля казаков с черкесами сразу же была поставлена в особые условия, тесно связанные с кордонной службой. Эти торговые пункты на Кубанской линии служили одновременно и лавками, и магазинами, и таможеней, и карантинным, и наблюдательными постами.

В короткий срок размеры торговых операций, несмотря на различные карантинные и таможенные пошлины, достигли таких размеров, что «выгодами ее заинтересовались частные предприниматели» и она стала лакомым куском у предпринимателей и людей, падких до наживы. «Соблазнялись ею и обыкновенные смертные и власти, — пишет Ф.А. Щербина. — Слишком уж явны и ощутимы были выгоды натуральной мены» [7].

Заинтересованность в развитии торговых отношений была обоюдной. Любое запрещение торговли с закубанскими черкесами встречало со стороны казаков, особенно тех, которые находились на кордонной линии, глухое сопротивление.

Так, в документе, датированном декабрём 1797 г., отмечается, что «содержащие караул по всей реке Кубани в рассуждении запрещения промена у черкесов за хлеб... терпят в провианте великую нужду» и просят «дозволить по-прежнему чинить вымен хлеба за соль». При этом давались заверения, что кроме мены хлеба на соль, казаки не будут иметь «с черкесами никакого сообщения, и других товаров, кроме хлеба не выменивали» [8]. В другом документе предписывалось заранее испрашивать разрешения на вымен.

Смотрителю Усть-Лабинского менового двора Братчикову было строго указано за самовольное разрешение на вымен на казенное просо и соль скота, овчины и их изделий и предложено выменянные вещи продать, а вырученные деньги доставить в распоряжение Кавказского гражданского губернатора М.Л. Малинского [9].

Торговый обмен использовался в целях дипломатии, выкупа пленных, подкупа горцев. Так, в марте 1798 г. за возвращение пленного солдата и казаков было отпущено черкесам свыше 400 пудов соли. За подаренный черкесами генералу Михайлову кинжал было отпущено 5 пудов соли, а за выменянного для генерала Горемыкина быка — 17 пудов [10].

Часть военной администрации выступала за развитие мирных торговых отношений с новыми соседями.

К примеру, новый главнокомандующий на Кавказе генерал А.П. Тормасов, сменивший в 1809 г. генерала И.В. Гудовича, в 1810 г. подал военному министру кн. М.Б. Барклаю-де-Толли письменное мнение о вреде и ненужности репрессий, советовал прибегать к «справедливым» мерам, прекратить злоупотребления на военной линии, налаживать с горцами мирные связи, в том числе и торговые. Путем обмена царское командование стремилось заставить адыгов переселиться с гор на плоскость, поближе к казачьим поселениям. «Тогда, — говорилось в предписании А.П. Тормасова, — вернее можно было бы обязать их ответственностью за производимые в тех местах разбой и грабежи» [11]. Об этом же в 1816 г. писал адмирал Н.С. Мордвинов, утверждая, что горских правителей надо привлекать к России не силою, а мирными торговыми связями [12].

К. Маркс, давая оценку взаимоотношениям Черкесии и Турции, отмечал, что Черкесия всегда была настолько независима от Порты, что «даже в те времена, когда в Анапе еще находился турецкий паша, Россия заключила несколько соглашений с черкесскими вождями о прибрежной торговле» [13].

Активную деятельность по развитию русско-черкесской торговли развернул российский коммерсант генуэзского происхождения Рафаэль Скасси. Впервые он побывал здесь в 1811 г. в Анапе, снабженный рекомендательным письмом Херсонского военного губернатора Ришелье, которому тогда подчинялась русская администрация на Северо-Западном Кавказе.

Торговые соглашения, заключаемые русскими представителями с горцами, подрывали позиции турецких купцов. Р. Скасси с компаньонами заготавливал значительное количество леса для русского флота. Торговые операции Р. Скасси постоянно расширялись.

Вопрос о дальнейшем развитии русской торговли с горцами на Черноморском побережье Кавказа обсуждался на заседании комитета министров. Руководство и контроль над осуществлением торговли с прибрежными горцами возлагались на учреждаемую специаль-

ную административно-коммерческую организацию, возглавляемую «Попечителем торговли с черкесами и абазинцами». Этим попечителем был назначен Р. Скасси [14].

В 1816 г. Р. Скасси подал в Петербург на имя Александра I записку о развитии торговых связей с горцами. Ему было отпущено 100 тыс. пудов соли из крымских соляных складов для вывоза в Черкесию.

В 1821 г. Александр I утвердил «Правила для торговых сношений с черкесами и абазинами». В бухтах и устьях рек Черноморского побережья небольшие суда выгружали соль и другие товары, а оттуда привозили лес, кожи, бурки, табак. Р. Скасси завязал дружеские и коммерческие отношения с натухайским князем из Пшады Мехметом Индер-оглы. При содействии князя были открыты два торговых учреждения: одно в Пшаде, другое в Геленджике. В распоряжение Р. Скасси была предоставлена небольшая торговая флотилия из 15 парусных судов.

Сподвижником Р. Скасси был француз Тебу де Мариньи, командовавший одним из судов флотилии, оставивший после себя описание историко-этнографической обстановки того времени на Северо-Западном Кавказе. В своей книге он приводит интересные сведения по категориям экспортных и импортных товаров, реализуемых черкесам в Анапе в 1823-1824 гг. по ценам, установленным на Кубани казаками на некоторые черкесские продукты. Попытка упрочения дружеских отношений, основанных на торговле с адыгами, не имела для Т. де Мариньи успеха и, будучи тем обескураженным, он подал в отставку. Тем не менее, он считал, что торговля «должна стать самым могущественным агентом усилий, которые русские применят для усмирения Кавказа. Преимущество, что они отдали черкесам, соединенное с малой взыскательностью, большой добротой, соблазном наслаждений, что дает нам цивилизация, неподкупными служащими и идеями, достойными намерений правительства, не замедлят, я в том уверен, произвести счастливую

перемену у жителей побережий и кубанских равнин» [15].

Горцы стали реально ощущать преимущества мирных торговых сношений с русскими вместо постоянной военной напряженности, не всегда безопасных набегов, порой, невысокого качества товаров, получаемых от турецких купцов. Для того, чтобы торговля эта была полезна государству, отмечал Р. Скасси, ее надо организовать на следующих принципах: «1. Освободить ее от всяких препон, не необходимых абсолютно для общественного блага. 2. Облегчить русским средства продавать черкесам дешевле, нежели турки, и покупать черкесские товары за более дорогую цену, чем турки. 3. Устроить для русских купцов облегчения, чтобы они могли быть снабжены всем тем, что необходимо для потребления черкесской страны» [16]. Далее в своей докладной записке он резко критикует действия войсковой администрации. «Меры, принятые, без сомнения, в пользу казачьей казны, — продолжает Р. Скасси, — запретили свободу меновых рынков. Их отдали предпринимателям, которые откупили также водку и рыбные ловли. Эти предприниматели пренебрегают деталями рынков и сводят все на одну соль, тогда как черкесам нужны и другие товары. А цена соли ими так поднята, что черкесы предпочитают искать ее на очень большом расстоянии от себя в Анапе. Турки же с очень большими издержками принуждены приезжать с Мраморного моря или из Анатолии закупать русскую же, крымскую соль в Козлове и везти ее в Анапу. И, тем не менее, они ее продают черкесам дешевле, чем русские. Этой мерой рубится связь, которая могла бы удерживать черкесов в нашем соседстве; таким образом, скаредность предпринимателей приводит все эти народы к тому, чтобы разбоями добывать себе то, что они не в состоянии закупить за свои продукты. Абсолютно необходимо иметь свободные рынки на границе Кубани и особенно в Бугазе» [17].

Таврический генерал-губернатор А.М. Бороздин высоко оценивал усилия Р. Скасси по устранению различного рода противоречий между черке-

сами и Россией. Он считал, что «эта часть границы никогда не была более спокойна. Дружба этих народов, возможность торговать с ними, положение мира с ними, преимущество рубки у них строительного леса такого качества, какого нелегко было бы найти в другом месте, все это заслуга Скасси» [18]. Но взаимоотношения между А.П. Ермоловым и Р. Скасси складывались непросто, о чем свидетельствуют постоянные обличительные доносы Р. Скасси на действия А.П. Ермолова.

Когда морская торговля России с побережьем Северного Кавказа стала набирать обороты, турецкий комендант Анапы Хасан-паша наложил запрет на эту торговлю в нарушение договорного условия оказывать ей содействие. Русскому посланнику в Константинополе А.И. Рибоньеру предписывалось требовать отмены этого запрещения [19]. В 1820 г. русская администрация на северо-западном Кавказе была выведена из подчинения Херсонского военного губернатора и стала состоять под командованием отдельного Кавказского корпуса.

Но вскоре спекулятивные операции Р. Скасси подорвали начавшуюся мирную, торговую колонизацию Черноморского побережья Кавказа. Р. Скасси был отдан под суд за хищения и спекуляцию, и, несмотря на частичное оправдание и помилование, начатое дело было загублено и царское правительство, к радости генералов, перешло к насильственным методам покорения Кавказа.

Адыги не раз заявляли о своем желании прекратить торговые отношения с Турцией и, наоборот, развернуть взаимовыгодную торговлю с Россией. Такие предложения высказывались адыгской стороной задолго до Адрианопольского мира. Они соглашались иметь торговые отношения на условиях, предложенных Россией «по введенному порядку, оставя нас (черкесов — К.А.) навсегда отверженными к России» [20].

Как известно, после Адрианопольского трактата весь восточный берег Черного моря, от Кубани до укрепления Св. Николая, собственно, вся территория Черкесии, была «уступлена» Турцией России. Но, как справедли-

во отмечает С.Эсадзе, «торговые выгоды заставили поддерживать прежние сношения с турками, несмотря на крейсерство русского флота». Мелкие турецкие кочермы, вооруженные иногда одною или двумя пушками, быстро и смело прорывались к берегу, к устью рек и здесь на берегу производилась мена, выгрузка товаров. Вполне понятно, что связи эти были тем невыгодны России, что «англичане и турки доставляли горцам оружие, порох и другие боевые припасы» [21].

Но следует признать, что для самих черкесов эта торговля (с Турцией — К.А.) была не столь выгодной, поскольку одни только состоятельные горцы могли пользоваться выгодами этой торговли. Как отмечалось в рапорте есаула Пшекуя Могукурова командиру Черноморской кордонной линией Сысову от 10 сентября 1827 г., присланные на Чернолесский меновый двор уполномоченные от шапсугов Хапач и Лепсегач с прошением для заключения соглашения о производстве мены на всех российских меновых дворах, находящихся против владений шапсугов, прямо указывали, что торговля с Россией выгодно отличается от торговли с Турцией, т.к. «одни только достаточные у них жители могут пользоваться меною от Анапы, доставляя им одно коровье масло, мед и воск, бедные же, не имея у себя таковых довольствий, должны для необходимых своих нужд в вымене от Анапы лишиться последнего своего имущества, при самых необходимых случаях принуждены будут пустить в продажу детей, что для них крайне невыгодно. От России же они признают удобнейшим и легчайшим способом получить все нужное для себя через вымен леса, лесных овощей, хлеба, рогатого скота и прочего по ближайшей с нами российской черты границы соседственного обзаведения хлебопашественного занятия и скотоводства без всякой для них тягости охотно могут производить мену и всякий бедный останется довольным» [22].

Как же реагировала на такие предложения Россия? Начальник Кавказской области генерал Г.А. Емануэль предписывал заниматься торговлю

только с теми горцами, «кои совершенно подчинились правительству» России [23]. Войсковой атаман Черноморского войска А.Д. Безкровный предписывал войсковому старшине Черному запретить отпуск соли горским народам, не принявшим присягу на верность России. Более того, чтобы «заставить простой народ, которого присяги нужнее для нас, чем самих князей и дворян, которым не повинуются в полной мере, именуемые ими их подвластные — надобно естественным образом доказать им собственную их пользу от принятия верноподданнической присяги». С этой целью он признал самым необходимым средством пропуск за Кубань соли и прочих товаров на меновых дворах вовсе прекратить, а князьям и дворянам, принявшим присягу, отпустить по числу душ на каждую по одному пуду.

Такие меры, по мнению А.Д. Безкровного, скорее могут «привести закубанские народы в подданство России», а если продолжать отпускать соль и другие товары закубанским горцам, «тогда все наши старания не могут быть успешны насчет приведения закубанцев в подданство все милостивейшему нашему государю императору» [24]. Заметим, что эти меры стали предприниматься еще до заключения Адрианопольского трактата, в июне-октябре 1828 г.

Как же изменилась ситуация после того, как Турция «уступила» независимую Черкесию России? Действия России по отношению к Черкесии после 1829 г. во многих изданиях, в частности, в «Истории народов Северного Кавказа», изданной Институтом истории АН СССР в 1988 г., представлены составной частью ее внутренней политики. Из этого следовало, что любая помощь воюющей за независимость Черкесии со стороны других государств, в том числе моральная поддержка общественного мнения Европы, расценивается в этом издании как вмешательство во внутренние дела России.

Хотя адыги, как известно, отказались признать эту дипломатическую сделку, тем не менее, они продолжали выступать сторонниками развития торговых отношений с Россией. Однако

сама Россия смотрела на эти проблемы иначе. Вот что говорилось в записке генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, представленной командиру Кавказского корпуса Г.В. Розену 20 мая 1833 г.: «1. Главное и надежнейшее средство к прочному овладению горцами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографическом отношении мест. 2. Средство ускорить покорение горцев состоит в отнятии у них плоскостей и заселение оных казачьими станицами. 3. Истребление полей их в продолжении пяти лет кряду даст возможность обезоружить их и тем облегчить все дальнейшее действие. 4. Полезнее всего, по моему мнению, начать с истребления полей. Овладев плоскостями, поселить на оных казачьи станицы. Наконец, по поселении станиц устроить в приличных местах укрепления» [25]. **Заметим, что в этих «предложениях» нет ни одного, направленного на мирное включение черкесов (адыгов) в состав России.**

Большинство авторов исследуемой проблемы высоко оценивают роль командующего Черноморской береговой линией Н.Н. Раевского, сторонника мирного разрешения сложнейших проблем взаимоотношений Черкесии и России [26].

Желание торговать преодолевало все границы, запреты и страх. В рапорте начальника черкесского стана на Екатеринодарской Троицкой ярмарке В.С. Корсуна Г.А. Рашпилю от 12 июня 1845 г., продолжавшейся с 29 мая по 4 июня, отмечалось, что 30 мая на ярмарке было до 7 тыс. мирных черкесов. Для привоза своего товара на ярмарку ими было задействовано до 4 тыс. крупных и мелких арб. Среди участников ярмарки было 2 600 «немирных» черкесов, скрывавшихся под именем мирных черкес. «При переправе через Кубань, — докладывал В.С. Корсун, — они слышали общее суждение мирных черкес, что русские под предлогом ярмарки желают заманить в Черноморию азиатцев немирных обезоруженными и там всех захватить в плен» [30]. Но это не остановило немирных черкесов. Всего же на ярмарке побывало 9800 чел.

и «черкесы из доставленных товаров не повезли назад ни одной вещи... В продолжение всей ярмарки происшествий никаких совершено не было: тишина, должный порядок, невероятное повиновение и честность со стороны черкес мирных и немирных были в такой степени, сколько только этого желать было можно» [31].

Торговля носила взаимовыгодный характер. Нередки были случаи, когда черкесы меняли лошадей и покупали молодняк черноморского рогатого скота для улучшения мелких пород закубанского скота [32]. В отдельные дни, как свидетельствовал Г.А. Рашпиль в июне 1846 г., «черкес на ярмарке было не меньше, а может быть и больше как наших людей... Тысячи черкес и казаков обоюбого пола, не понимающих друг друга, нисколько не затруднялись без толмачей купить и продать что имел и кому нужно было одним у других купить». Из этого очевидно, заключает Г.А. Рашпиль, «как выгода торговли может ознакомить — сблизить враждующие народы». Примечательно, что согласно твердым правилам, на ярмарки черкесы являлись без оружия, и эта мера воспринималась ими без ропота, хотя «черкесу сложить с себя оружие — мысль для него страшная».

Будучи сторонником мирного вхождения Черкесии в состав России Г.А. Рашпиль в своей докладной записке, где анализируется ход торговли на Троицкой ярмарке в Екатеринодаре, как и во многих других документах, выражает надежду, что «при порядочном общественном благоустройстве можно жить безопасно и не имея на себе оружия» [33].

Даже после отселения части черкесов, проживавших в районе Екатеринодара **на правом берегу Кубани** (выделено нами — К.А.) на левый берег, в 1849 г. Г.А. Рашпиль предписывал, что «при отселении черкес на левую сторону Кубани, сообщения их с городом постоянно должны иметь место» [34]. В связи с этим были утверждены «Правила для пропуска черкесских народов по торговым делам в город Екатеринодар», действие которых распро-

странялось только на мирных черкесов, как-то гатукайцев, адамиевцев, керке-нейцев, хамышейцев. Представители других народов, желающие участвовать в ярмарках, должны были получить письменное разрешение, подписанное Г.А. Рашпилем. Эти правила относились в основном только к пропуску черкесов в Екатеринодар, который был главным торговым местом; здесь же находилось и главное военное управление Кубани. Однако отдельным черкесам в случае необходимости выдавались пропуска и во внутренние станицы и даже за пределы войска. Более того, владельцы аулов — князья и дворяне, эфенди, равно как и вообще почетные лица, хорошо известные на кордонной линии, могли пропускаться и без письменных разрешений, на верховых лошадях и более или менее вооруженными. Их также могли сопровождать конные с оружием.

Разрешение торговать на ярмарках некоторые владельцы аулов и старшины преподносили своим поданным как исключительно свою заслугу и собирали с них пошлину за торговлю с русскими. Это не осталось незамеченным. И.о. наказного атамана Черноморского казачьего войска Л.И. Кусаков воспретил бжедугскому князю Индару Черченокову собирать с гатукаевцев пошлину и объявил об этом гатукаевцам [35].

Следует заметить, что во время Крымской войны (1853-1856 гг.) интенсивность торговых отношений пошла на убыль. Часть укреплений Черноморской береговой линии, за исключением Новороссийска и некоторых других, была оставлена русскими, чем не замедлили воспользоваться турецкие власти. В этом отношении представляет интерес рапорт начальника Черноморской береговой линии вице-адмирала Л.М. Серебрякова от 15 мая 1854 г., в котором он отмечал, что «прекращение торговли с горцами до крайности затруднило обеспечение продовольствием войск, расположенных в Новороссийске, в форте Раевском и укреплении Гостагаевском. Все, что они прежде приобретали на месте, должны они теперь выписывать из других мест, но недостаток перевозочных средств отнимает возможность к подвозке всех

потребностей в достаточном количестве». Опыт последних лет, подчеркивал Л.М. Серебряков, доказывает нам **недейственность запрета продажи соли для приведения их к покорности** (выделено нами — К.А.), особенно сейчас, когда сняты укрепления береговой линии. «Турецкие кочерымы могут свободно приходить к черкесскому берегу и доставлять горцам между прочими потребностями и соль» [36]. Но, несмотря на предпринимаемые Англией и Турцией усилия, черкесы в продолжение всей войны сохраняли нейтралитет и не поддались соблазну выступить против России.

Большие надежды возлагались на встречу императора с представителями Сочинского меджлиса, которая состоялась 18 сентября 1861 г. Но эта встреча не изменила позиции высшего руководства России. Еще за три месяца до этой встречи, в рескрипте Александра II наказному атаману Кубанской области Н.И. Евдокимову от 24 июня 1861 г. император «весьма четко обозначил курс на полное изгнание черкесов и аннексию их страны» [37]. Эти установки были зафиксированы в известном плане Н.И. Евдокимова, поддержанного большинством высшего кавказского начальства во главе с Главнокомандующим Кавказской армией князем А.И. Барятинским. Окончательное утверждение плана покорения Западного Кавказа, которое называлось «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» было одобрено и подписано Александром II 10 мая 1862 г. По сути дела, ни рескрипт 1861г., ни «Положение..» 1862 г. не предусматривали выделение хоть сколько-нибудь существенной земельной компенсации для горского и равнинного населения Черкесии, которое согласно этим законоуложениям лишалось своих исконных земель. «Эти указы Александра II, — отмечает С.Х. Хотко, — прямо ориентировали военное командование на Кавказе не просто изгнать черкесов, но изгонять их именно в Турцию. Насильственный характер выселения горцев в Турцию признавали в своих мемуарах и работах иного плана

высокопоставленные царские офицеры — участники и очевидцы этих событий» [38].

Колониальный грабеж всегда и везде начинался одинаково, с последовательностью закономерности, — отмечает кубанский историк И.Я. Куценко [39]. Испанцы грабили золото инков и ацтеков. Русские первооткрыватели Сибири сразу стали отнимать у коренного населения «мягкую рухлядь» (меха — К.А.) А что можно было взять у туземцев Кавказа? Их главным богатством была земля. «Занимаемые ими территории имели стратегическое значение в тогдашних политических расчетах империи. Они представляли немалую ценность также как фактор экономической колонизации обширного района. И царский режим остался верным в своей поработительской сущности: на Северном Кавказе он не только создал для «инородцев» ничуть не лучшие условия, чем те, которые были у «инородцев» Сибири, но и обрек покоренное силой оружия местное нерусское население на тяготы неизмеримо большие, чем испытывали их товарищи по несчастью за Уральским хребтом» [40], — продолжает И.Я. Куценко. Несмотря на этот бесспорный факт, некоторые исследователи утверждают, что «адыгские аулы получили в общинно-надельное пользование больше земли на один двор (семью), чем имели ее в то время крестьяне-общинники Европейской России» [41]. (Это на своей-то собственной земле. — К.А.) Действительно, есть такие данные. Так, обследование аулов Вочепшиевского общества, проведенное в 1898 г., показало, что «оно состоит из 557 дворов, юртовый надел 18074 дес., что составляет 34 дес. на двор. Если отнять 1/3 под плавни, то и тогда придется почти 15 дес. удобной земли на каждый двор». Но при этом почему-то забывают, что на душу мужского пола казакам выделялось 30 дес. удобной земли, в то время как горцам полагалось не менее 5 дес. удобной земли, при этом лицам простого происхождения наделы предоставлялись в пользование на общинном праве.

Каковы же были особенности и последствия этой длительной героической

борьбы адыгов за свою свободу и независимость? Откуда она черпала силы?

Сразу же оговоримся. Война не была выбором черкесов. Само время, в котором они жили, определило этот выбор — борьба за свободу и национальную независимость своей страны. Сопrotивление колониальной политике русского царизма представляло собой широкое массовое движение, его основой было крестьянство. Боевые действия адыгов, в большинстве случаев, возглавлялись князьями, дворянами, которые, выражая общенациональные чувства, являлись искренними патриотами. Вместе с тем, освободительная борьба носила и определенную антифеодальную направленность, поскольку царизм делал ставку на сговор с феодальной верхушкой.

Национально — освободительная борьба адыгов завершилась трагическими событиями. В результате военно — колониальной политики русского царизма, подстрекательства и обмана местных феодалов и мусульманского духовенства, значительная часть адыгов оказалась на чужбине, где многие из них погибли от голода, холода и болезней во время переселения и расселения в пределах Османской империи.

Подводя итоги, мы хотели бы сделать ряд выводов.

1. Помещичье-крепостническое правительство России в отношениях с Черкесией, делало ставку на вооруженное насилие и союз с горской знатью, большинство которой подчинялось России за военную поддержку против выступлений своих же крестьян.

2. Торговля с адыгами с момента поселения черноморских казаков (1792 г.) была обусловлена особенностями кордонной службы и носила лимитрофный характер. После 1829 г. значительно сокращаются внешнеторговые связи Черкесии. Это было связано со строительством Черноморской береговой линии и запретом российских властей на внешнеторговые операции прибрежных адыгов, в первую очередь с Турцией и другими государствами.

3. Во взаимоотношениях Черкесии и России, особенно после Крымской войны и покорения Восточного Кавказа,

приоритет был отдан военной колонизации Северо-Западного Кавказа.

4. Нет ни одного документа, который свидетельствовал бы о стремлении России мирными средствами включить территорию Черкесии в состав Российской империи.

5. Стремление навсегда водворить на Северо-Западном Кавказе «русское

христианское население» было определяющим в политике Александра II после окончания кампании на Восточном Кавказе и пленения Шамиля. Зародившееся в среде правящей аристократической верхушки и духовенства Черкесии стремление «воссоединиться с единоверцами» в Турции, было не только поддержано, но и профинансировано Россией.

Примечания:

1. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд., 1989. С. 112.

2. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. (Далее АБКЕА). Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 180.

3. Там же. С. 195-199.

4. Писарев В.И. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. // Исторические записки. М., 1940. №9. С. 154 -185.

5. Писарев В.И. Указ. соч. С. 185.

6. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т. 2 (Репринтное воспроизведение). Екатеринодар, б/и, 1910-1913. Краснодар: Сов. Кубань, 1992. С. 580.

7. Щербина Ф.А. Указ. соч. Т. 2. С. 583.

8. Русско-адыгейские торговые связи 1793-1860 гг.: сб. документов. Майкоп: Адыг. кн. изд., 1957. С. 23-24.

9. Там же. С. 32.

10. Там же. С. 26, 28, 31.

11. Писарев. В.И. Указ. соч. С. 163.

12. История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). М.: Наука, 1988. С. 28, 39.

13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 418.

14. Тебу де Мариньи. Поездки в Черкесию: пер. с фр. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 195.

15. См.: АБКЕА. С. 286.

16. См.: АБКЕА. С. 286.

17. См.: АБКЕА. С. 284.

18. История народов Северного Кавказа... С. 39.

19. Там же. С. 55, 54, 57-58 и др.

20. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп: Меоты, 1993. С. 37-38.

21. Русско-адыгейские торговые связи ... С. 57.

22. Там же. С. 60

23. Там же. С. 61.

24. Цит. по: Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. С. 194-195.

25. Там же. С. 129.

26. Русско-адыгейские торговые связи ... С. 243.

27. Там же. С. 250-252.

28. Там же. С. 253.

29. Там же. С. 235.

30. Там же. С. 236.

31. Там же. С. 312.

32. Там же. С. 305.

33. Там же. С. 305.

34. Там же. С. 392.

35. Там же. С. 380-381.

36. Хотко С.Х. Александр II и Черкесия. К 150-летию встречи царя с лидерами черкесского меджлиса 18 сентября 1861 г. // Кавказский сборник / МГИМО(У) МИД России, Центр проблем Кавказа и региональной безопасности. М., 2011. №7 (39). С. 144.

37. Хотко С.Х. Указ. соч. С. 146.

38. Куценко И.Я. Кубанское казачество: история и судьбы. Краснодар: Диапазон-В, 2010. Кн. 1. С. 44.

39. Куценко И.Я. Указ. соч. С. 45.

40. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность: материалы науч. конф., Краснодар, 16-18 мая 1994 г. Краснодар: Кн. изд., 1995. С. 37.

References:

1. Pokrovsky M.V. From the Adyghes' history at the end of the 18th — the first half of the 19th century: social and economic sketches. Krasnodar: Publishing House, 1989, p. 112.
2. The Adyghes, the Balkars and Karachais in the news of the European authors of the 13th-19th centuries. (Further ABKEA). Nalchik: Elbrus, 1974, p. 180.
3. Ibidem. P. 95-199.
4. Pisarev V.I. Methods of conquering the Adyghes people by tsarism in the first half of the 19th century // The historical notes. M., 1940. No. 9, pp. 54 — 185.
5. Pisarev V.I. The mentioned work. P. 185.
6. Shcherbina F.A. History of the Kuban Cossack army: in 2 v., V. 2 (Reprint edition). Ekaterinodar, / b/i, 1910-1913. Krasnodar: Sov. Kuban, 1992, p. 580.
7. Shcherbina F.A. The mentioned work. V. 2. P. 583.
8. The Russian-Adyghes commercial relations of 1793-1860: coll. of documents. Maikop: Adyghes Publishing House, 1957, pp. 23-24.
9. Ibidem. P. 32.
10. Ibidem. P. 26, 28, 31.
11. Pisarev. V.I. The mentioned work. P. 163.
12. History of the folks of the North Caucasus (end of the XVIII century-1917). M.: Nauka, 1988, pp. 28, 39.
13. Marx K., Engels F. Works. V. 9. P. 418.
14. Tebu de Marici. Trips to Circassia: transl. from French. Nalchik: El-Fa, 2006, p. 195.
15. See: ABKEA. P. 286.
16. See: ABKEA. P. 286.
17. See: ABKEA. P. 284.
18. History of the folks of the North Caucasus ... P. 39.
19. Ibidem. P. 55, 54, 57-58, etc.
20. Esadze S. Conquest of Western Caucasus and the end of the Caucasian War. Maikop: Meoty, 1993, p. 37-38.
21. The Russian-Adyghes commercial relations ... P. 57.
22. Ibidem. P. 60
23. Ibidem. P. 61.
24. Quoted on: Smirnov N.A. Policy of Russia in the Caucasus in the 16th-19th centuries M.: Sotsekgiz, 1958, p. 194-195.
25. Ibidem. P. 129.
26. The Russian-Adyghes commercial relations ... P. 243.
27. Ibidem. P. 250-252.
28. Ibidem. P. 253.
29. Ibidem. P. 235.
30. Ibidem. P. 236.
31. Ibidem. P. 312.
32. Ibidem. P. 305.
33. Ibidem. P. 305.
34. Ibidem. P. 392.
35. Ibidem. P. 380-381.
36. Khotko S.Kh. Alexander II and Circassia. To the 150 anniversary of tsar's meeting with leaders of the Circassian Majlis on September 18, 1861 // The Caucasian collection / MGIMO(U) MID of Russia, the Center of problems of the Caucasus and regional security. M., 2011. No. 7 (39). P. 144.
37. Khotko S.Kh. The mentioned work. P. 146.
38. Kutsenko I.Ya. The Kuban Cossacks: history and destinies. Book 1. Krasnodar: Diapazon-V, 2010, p. 44.
39. Kutsenko I.Ya. The mentioned work. P. 45.
40. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. On the assessment of the Caucasian War from the scientific point of view of historicism // The Caucasian war: lessons of history and the present: materials of the sci. conf., Krasnodar, May 16-18, 1994. Krasnodar: Publishing House, 1995, p. 37.